

Я И ДРУГОЙ (ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД)

SELF AND OTHER (PHILOSOPHICAL VIEW)

УДК 159.9.072.422

DOI: 10.31249/chel/2025.04.10

Ким Е.В.

МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ ИМПЛИЦИТНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЕБЯ^{1, ©}

*Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, Москва, ev.kim@hse.ru*

Аннотация. В статье представлены итоги эмпирического исследования, посвященного выявлению имплицитного определения себя с помощью инструментов метафорического анализа и выполненного в русле конструктивизма и человекоцентрированного подхода. В частности, разработаны и представлены методика и алгоритм работы с текстом, показаны способы извлечения метафор, составления и категоризации метафорических рядов, которые затем становятся предметом метафорического анализа.

Ключевые слова: имплицитное определение себя; метафора; я-концепция; образ мира; человекоцентрированный подход; конструктивизм.

Получена: 30.01.2025

Принята к печати: 20.05.2025

¹ Исследование выполнено в рамках стратегического проекта «Успех и самостоятельность человека в меняющемся мире».

© Ким Е.В., 2025

Kim E.V.

**Metaphor as a tool for detection of an implicit determination
of the self^{1, ©}**

*HSE University,
Russia, Moscow, ev.kim@hse.ru*

Abstract. The article presents the results of an empirical study devoted to the detection of an implicit determination of the self using the tools of metaphor analysis and carried out in the context of constructivism and person-centered approach. In particular, it is presenting a developed technique and algorithm of working with a text, different procedures of extracting metaphors, assembling and categorizing rows of metaphors, which then become the subject of metaphor analysis.

Keywords: implicit determination of the self; metaphor; self-concept; person-centered approach; image of the world; constructivism.

Received: 30.01.2025

Accepted: 20.05.2025

Метафоризм –
стенография большой личности,
скоропись ее духа.

Борис Пастернак

Введение

Изучение феномена имплицитного определения себя представляет собой важную проблему в психологии, так как этот феномен затрагивает ключевые аспекты человеческого самосознания и восприятия мира, играет важную роль в формировании я-концепции и образа мира [Ким, Колпачников, 2024]. Мы занимаемся разработкой этого феномена последние несколько лет, и на сегодняшний день сформулировано его операциональное определение: имплицитное определение себя – это действенное смысло-созидание, конкретная психическая деятельность, в процессе которой человек создает субъективный образ мира и себя через имплицитное наполнение смыслом [там же, с. 39].

¹ Acknowledgments: The research was carried out within the framework of the strategic project “Success and Self-Sustainability of the Individual in a Changing World”.

© Kim E.V., 2025

Научная значимость исследования имплицитного определения себя состоит в первую очередь в расширении представлений о внутриличностных силах, формирующих нарративную идентичность [Marraffa, Meini, 2024], в дополнении картины я-концепции [Роджерс, 2016] – ее эксплицитного осознаваемого выражения – имплицитной составляющей, которая существует внутри человека константно и вне зависимости от его волевого усилия.

Кроме того, предложенный нами концепт «имплицитного определения себя» позволяет нам сделать ряд абдуктивных предположений, складывающихся в теорию среднего уровня, которая связывает верхнеуровневую конструктивистскую методологию с жизнью конкретного человека, конструирующего на постоянной основе собственный образ мира и я-концепцию.

Это знание может быть полезно для разработки новых методов психотерапии и саморазвития, способствующих экспликации данного имплицитного содержания и тем самым укрепляющих личностную силу и психологическое благополучие человека.

Актуальность данного исследования поддерживается тем, что в условиях быстро изменяющегося мира, где идентичность и смысл жизни становятся все более сложными вопросами, доступ к имплицитному определению себя может помочь людям адаптироваться к новым социальным и культурным вызовам [Карпинский, 2017].

А с точки зрения личностного становления раскрытие феномена имплицитного определения себя облегчает осознание внутренних процессов, что, в свою очередь, может привести к улучшению качества жизни, повышению уровня осмысленности существования и личной удовлетворенности [Скворцова, 2021].

Работа с метафорой. Сходство и различия с другими подходами

Ставя перед собой задачу обнаружить, «дотянуться» до имплицитного, уже существующего, но еще не осознанного – находящегося «в тени» [Старовойтенко, 2013] – определения человеком самого себя, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью определиться с тем, как мы можем получить эту информацию, какой инструмент позволит нам провести исследование, когда речь идет о вещах, находящихся на границе, а порой и за границей восприятия.

Мы начинали изучение этих вопросов с работы в индуктивно-абдуктивном ключе: с помощью феноменологических интервью и

обоснованной теории – качественного метода исследования, позволяющего выстроить теорию, извлекая ее из собранного эмпирического материала. В результате обработки десятков глубинных интервью и рефлексивных эссе мы обнаружили, что каждый из респондентов, стремясь ответить на вопросы, касающиеся, с одной стороны, понятий очень привычных, а с другой – требующих выражения мыслей и переживаний, обычно остающихся вне вербального выражения, прибегает к использованию метафор [Ким, 2023].

Вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном мы обнаружили в собственных данных, что метафора «пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление, и деятельность» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 25]. Увидев это, мы предположили, что метафора может стать тем самым ключом, при помощи которого мы можем приоткрыть дверь и заглянуть во внутренний мир человека.

Сегодня все больше исследователей обращаются к качественным методам, разворачивая так называемую «тихую методологическую революцию» [Улановский, 2006, с. 27]. И хотя метафора уже давно является инструментом работы практических психологов [Липская, 2009], все еще существует необходимость в ее осмыслении и в продолжении эмпирических исследований в этой области.

Важно уточнить, что метафора выступает не объектом нашего исследования, а инструментом, при помощи которого мы получаем доступ к нашему объекту – имплицитному определению себя. Тем не менее необходимо отметить, что именно мы понимаем под метафорой, как планируем ее применять для анализа и чем это отличается от других методов, уже существующих в научном поле.

Следуя за смелым утверждением Л.С. Выготского о том, что «все слова психологии – суть метафоры, взятые из пространства мира» [Выготский, 1982, с. 369], мы формулируем предположение о том, что метафора – есть естественный языковой инструментарий, лингвокультурный способ познания человеком самого себя. Используя метафору – проводя аналогии между разноположенными в бытии явлениями, человек стремится к формулированию непознаваемого.

В отличие от Лакоффа и Джонсона, мы рассматриваем не общие культурные паттерны, выраженные во всем понятных высказываниях, а индивидуальные – с целью получить отпечаток имплицитного определения себя. Однако в полном согласии с ними мы видим метафору как важнейший элемент в построении образа

мира, формирующий когнитивные структуры, отвечающие за восприятие окружающего и себя в нем [Лакофф, Джонсон, 2004].

Говоря об индивидуальных паттернах, мы опираемся на традиции парадигмы конструктивизма, подчеркивающей «роль индивидуальных конструкторов в познании и понимании мира, языковую и культурно-историческую опосредствованность ментальных процессов» [Улановский, 2006, с. 30]. В частности, мы отталкиваемся от теории личностных конструкторов Джорджа Келли [Келли, 2000], при этом понимая данные конструкторы не как основу, создающую личность, а как некоторую призму, сквозь которую человек воспринимает все происходящее в его жизни.

Эти индивидуально созданные конструкторы – метафорические ключи – мы и выявляем с помощью метафорического анализа из речи наших респондентов. Просеивая текст сквозь лексико-семантическое сито, мы отыскиваем метафоры, часто стертые, то есть уже настолько привычные в обиходе, что мы не замечаем их метафорического переноса значения. Группы этих метафор складываются в согласованные ряды – хотя они и не имеют в своей основе единого образа, которому соответствовали бы все метафоры, их согласованность обеспечивается тем, что все они – метафоры в рамках одной темы [Лакофф, Джонсон, 2004], одной категории.

На основе этих согласованных рядов метафор мы воссоздаем имплицитное определение себя – то внутриличностное содержание, которое уже выражено в речи через метафоры, но еще не проявилось в зоне осознания. Важно подчеркнуть, что данный аспект нарративной идентичности – это не история или книга, в которой записана жизнь человека; это, скорее, картина или – еще точнее – витраж, сквозь который человек видит мир, людей и даже самого себя. Этих витражей может быть несколько одновременно, они могут накладываться друг на друга или быть совершенно между собой не согласованными и выражающими разные грани определения себя у одного и того же человека.

Нас же интересует в первую очередь переход этого «витража» в зону осознания, то есть экспликация имплицитного определения себя и те изменения в я-концепции и образе мира человека, которые за этим следуют.

Работа с текстовым материалом

В качестве материала для анализа нами собраны текстовые записи, в которых авторы текстов отвечают как на вопросы, связанные с фиксацией эксплицитного определения себя, так и на вопросы, не имеющие прямого отношения к определению себя, например: «Какой теоретический материал вы изучили на занятии?», «Опишите свой вклад в мероприятие», «Как в обществе потребления оставаться созидателем?» и т.д. – в зависимости от того, в рамках какого проекта были предоставлены тексты.

Рассматривая собранный материал через призму метафорического анализа, в каждом кейсе мы обнаруживаем большое количество метафор. В связи с этим мы вводим операциональное ограничение и берем для дальнейшего анализа лишь те метафоры, различные грани которых встречаются минимум в 40% текстов данного респондента. Так как исследование лонгитюдное, каждый респондент в течение 4–28 месяцев написал от 10 (минимум) до 42 (максимум) текстов. При этом каждый текст создавался респондентом в разное время (шаг между написанием текстов минимум одна неделя), что дает нам возможность не только проследить постепенное наполнение метафоры все более и более детальным описанием, но и – в некоторых случаях – увидеть ее эволюцию.

Итак, алгоритм нашей работы с текстом можно представить следующим образом:

- 1) сбор метафор;
- 2) маркировка метафор по основным элементам;
- 3) объединение метафор в группы;
- 4) повторная проверка текста на возможные синонимичные / антонимичные элементы;
- 5) выявление основных метафорических рядов (встречается в 40% текстов и более);
- 6) анализ и категоризация метафорических рядов.

На первом этапе мы проводим анализ текстов на предмет наличия метафор с целью получения целостного представления о внутриличностном «метафорическом ландшафте» и создания некоей лексико-семантической «коллекции» смыслов респондента, с которой дальше будем работать. Затем из этой коллекции мы собираем метафорические ряды, состоящие из метафор, совместимых друг с другом [Баранов, 2003].

Скомпоновав такой ряд, мы объединяем его в категорию, соответствующую центральной теме этого метафорического ряда. Так, например, в одном из кейсов мы объединяем метафоры «зона», «область», «сфера», «место», «пространство», «рамки», «канва», «очертания», «точка» – в один ряд, и категоризируем это как «местоположение».

Напомним, что мы используем термин *метафора* в самом широком смысле, включая сюда и стертые метафоры. Например, в одном из кейсов мы включаем в метафорический анализ слова «разбор» или «разбирали», используемые в значении «изучение» / «изучали». Мы относим его к метафорическому ряду «система», а именно к подпункту «механизм» – поскольку часто для того, чтобы изучить механизм, его необходимо разобрать. Можно предположить, что это лишь принятое в научных кругах привычное выражение (данный текст получен в рамках учебной дисциплины). Однако наша уже многократно подтвержденная гипотеза состоит в том, что использование таких «привычных» выражений, зачастую является неслучайной, хотя и неосознанной, вербализацией метафоры [Ким, Колпачников, 2024]. Так, например, на месте слова «разобрали» в предложении «на занятии мы разобрали новый материал» могли бы стоять слова: изучили / проанализировали / рассмотрели / обсудили / взяли / прошли / освоили / ознакомились / проработали и так далее. Данное словоупотребление зависит от того, как именно респондент определяет собственное отношение к этому процессу и через какую метафору выражает – проявляет это отношение.

Проиллюстрируем алгоритм работы живыми примерами.

Кейс С5. Пошаговый разбор

1. Сбор метафор.

Во время первичной обработки текстов респондента С5 мы собираем все слова с метафорическим значением, использованные респондентом, и выявляем исходную метафору.

2. Маркировка метафор по основным элементам и выявление метафор, получивших значимое количественное подтверждение (40% текстов).

Затем мы осуществляем маркировку метафор по основным элементам и подсчет их употребления как количественно (сколько раз упоминается в текстах), так и в процентном соотношении (в каком проценте текстов встречается).

Таблица 1

Пример работы по первым двум шагам с одним из текстов,
вошедших в кейс С5

Сбор метафор	Маркировка метафор	Частота употребления (раз)	Количество текстов (%)
в ходе занятий	ход	3	20%
выход за рамки	выход	1	10%
выход за рамки	рамки	3	20%
на ход занятия	ход	3	20%
влииться в роль	лить	1	10%
влииться в роль	роль	7	40%
встраиваться в иерархию	встраивать	2	20%
обрисована минимально	обрисовывать	2	20%
точку зрения	точка	2	20%
точку зрения	зрение	2	20%
в обеих ролях	роль	7	40%
через эту призму	призма	1	10%
дать прямого ответа	прямой	3	30%
личность многогранна	грань	2	20%
одна из множества сторон	сторона	4	20%

В таблице выше представлены данные из одного текста (одного дня) респондента С5 (столбцы «Сбор метафор» и «Маркировка метафор»), которые затем сопоставлены с общими данными по всему кейсу (столбцы «Частота употребления» и «Количество текстов»). По частоте употребления лидируют метафоры «роль» и «сторона», встречающиеся 7 и 4 раза в 40% и 20% текстов, соответственно. Именно эти метафоры подлежат дальнейшему анализу.

3. Объединение метафор в ряды.

Когда выявлены наиболее константные и частотные метафоры, начинается следующий этап работы – объединение метафор в согласованные ряды. Рассмотрим пример из приведенной выше таблицы 1:

- метафора «роль» не имеет никаких пересечений с остальными представленными словами;
- а вот метафора «сторона» имеет весьма явное лексико-семантическое смыкание с метафорой «грань».

В четырехтомном словаре русского языка РАН слово «грань» имеет следующие значения:

- 1) линия раздела; граница;
- 2) плоская поверхность предмета, составляющая угол с другой такой же поверхностью.

Проверяем остальные тексты кейса на наличие соответствий и выявляем еще одну метафору, которая дополняет данный ряд – «граница» («осознавать границы своих возможностей»).

Следующий этап: поиск ассоциаций к слову «грань». Для его реализации мы используем различные словари и электронные сервисы и с их помощью обнаруживаем слово «многогранник». Помня о том, что одна из ярких метафор нашего текста – это «призма» – многогранник, по определению толкового словаря Ожегова, мы включаем и ее в данный метафорический ряд.

4. Повторная проверка текста на возможные синонимичные / антонимичные элементы.

Все полученные метафоры мы проверяем на наличие в тексте синонимов и антонимов, для расширения рассматриваемого метафорического ряда.

Например, рассмотрим слово «сторона». С помощью подбора синонимов находим и фиксируем первые десять: «место / путь / край / село / угол / *направление* / курс / дорога / стена / бок». Среди этих слов в текстах респондента нам трижды встречается слово «направление», точнее его дериваты. Вносим его в метафорический ряд.

Точно так же, анализируя слово «граница», мы выявляем метафору «рамка» и дополняем ею уже существующий ряд.

Таким образом, мы получаем согласованный метафорический ряд: «грань / сторона / граница / *направление* / рамка / призма». Еще раз проверяем на частотность и видим, что данный ряд входит в число значимых – его элементы использованы в 50% текстов.

5. Выявление основных метафорических рядов.

Описанные выше этапы работы с текстом позволяют нам выявить в кейсе С5 три основных метафорических ряда. Напомним, что к основным мы относим те метафоры, которые встречаются в 40% текстов и чаще.

- роль;
- грань / сторона / граница / *направление* / рамка / призма;

- зрение / видеть / смотреть / с оглядкой / взгляд.

6. Анализ и категоризация метафорического ряда.

После выявления и проверки на частотность метафорического ряда, проводится более тщательное рассмотрение всех его элементов, в результате которой осуществляется итоговая категоризация. Проиллюстрируем это на продолжении работы с рядом «грань»:

- 1) метафора «грань» косвенно упоминается в эксплицитном определении себя как характеристика любой личности – «глубока и многогранна» / «флюидна и многогранна»;
- 2) метафора «грань» явно соотносится с метафорой «сторона»: «одна из множества сторон». Через нее С5 осознает в том числе изменения в себе: «раскрыла их (компетенции) с новой стороны»;
- 3) метафора «сторона», хотя и использована в тексте в значении «одна из поверхностей, один из боков чего-либо», включает в себя понятие «направление» [Словарь русского языка РАН].

На основе выявленного метафорического ряда проявляется следующая картина: метафора некой фигуры со множеством сторон и граней. Стороны и грани могут быть скрыты и открыты. Сторона, в свою очередь, имеет характеристики направленности и ограниченности.

Кейс С1. Анализ метафорического ряда

Эксплицитные определения себя у данного респондента: студентка, дочь, подруга, исследователь, преподаватель, человек.

Одна из ключевых метафор в кейсе С1, частично пересекающаяся с эксплицитным определением «исследователь» – это «путь». Она встречается в 46% текстов. Метафора пути как такового принадлежит к «относительно простым когнитивным структурам, постоянно воспроизводящимся в процессе физического взаимодействия человека с действительностью» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 13], но то разнообразие, с которым эта метафора проявлена в размышлениях на разные темы, привлекает внимание.

1. Метафора включает в себя деятельностный аспект (глагольные формы):

- приближаюсь к своей цели;
- приближаюсь к результату;
- приближаюсь к себе;

- осваиваю этот путь;
 - ищу собственный путь;
 - лавировать между нагрузками;
 - иду путем поиска своего места и роли в социуме.
2. Метафора выражается номинативно:
- напрямую через существительные – респондент обнаруживает себя «в тупике»;
 - через адвербиализованные формы – например, остаться «на плаву».
3. Метафора прослеживается через другие метафоры, синонимичные метафоре пути на лексико-семантическом уровне:
- горизонт («горизонт планирования – один день»; «открывали новые горизонты»);
 - вектор («вектор по жизни правильный»; «отклонялись от общего вектора»).
4. Также к этому метафорическому ряду мы относим метафоры, в основе которых – предметы, ассоциирующиеся с путешествиями:
- компас («сверяться с внутренним компасом», «прислушиваться к своему внутреннему компасу»);
 - багаж («накапливать багаж теоретических знаний»).

Таким образом, мы видим, что метафора пути / путешествия формирует вокруг себя метафорический ряд, где понятие «пути» выступает центром синонимической аттракции, а остальные понятия выстраиваются вокруг него. Это целостный образ, имеющий проявленность во многих областях жизни респондента.

Такие метафоры существенно отличаются от «внешних» метафор – высказываний и утверждений, с которыми респонденты легко соглашались, опираясь на ценностное единомыслие. Например, респондент С1 упоминает в одном из текстов высказывание Вольтера: «Когда вокруг все рушится, возделывай свой сад. Это мудрейшая стратегия счастья». Несмотря на привлекательность этого утверждения для автора, ни метафора «сада», ни какая-либо другая метафора, которую можно было бы поставить с ней в один ряд, ни в одном другом тексте не обнаруживаются. Метафора пути, напротив, глубоко укоренена и используется для понимания и формулирования высказываний относительно самых разнообразных тем. Ее семантическое поле, с очевидностью, выступает в качестве интерпретативного ресурса в ситуациях недостаточной артикуляции смысла.

Более того в заключительном тексте цикла С1 уже использует эту метафору для эксплицитного определения себя, еще не присваивая себе слова «путешественник», «путник», но уже совершенно определенно заявляя: «Мой поиск себя – это не только путешествие к самопониманию, но и постоянное стремление к росту и развитию. Эта экспедиция наполняет мою жизнь значением и направляет меня к более глубокому пониманию того, кто я есть, и куда я двигаюсь».

Интересно проследить, как одна и та же метафора может по-разному раскрываться и принадлежать к различным категориям, в зависимости от того каким личностным смыслом ее наполняет респондент и, следовательно, в какое семантическое поле ее включает. Например, популярный образ компаса в большинстве случаев связывается с направлением движения и категоризируется как «путешествие» или «движение», в то время как в одном из кейсов респондент определяет компас, как прибор для определения расстояния до объекта: близко / не близко, что делает его элементом категории «расстояние».

Экспликация имплицитного определения себя в пост-интервью

После отработки технологии выявления имплицитного определения себя через метафору, перед нами встал следующий исследовательский вопрос – насколько выявленное содержание актуально и релевантно для респондентов?

Было принято решение о персонологическом повороте – возврате материала исследования респондентам с учетом выявленного имплицитного определения себя [Петровский, Старовойтенко, 2012]. С одной стороны, это позволяет нам продолжать исследование, наблюдая за экспликацией выявленного имплицитного содержания в конкретном нарративе, а с другой – увеличивает валидность полученных результатов за счет триангуляции при их интерпретации [Семенова, 1998].

Данный этап исследования проводится с помощью глубинных полуструктурированных интервью, в которых респондентам предлагается эксплицировать имплицитные определения себя, выявленные в их текстах через метафоры путем взаимодействия с этими метафорами.

Цель данных интервью – наблюдение за реакцией респондентов при экспликации того имплицитного содержания, которое

обнаруживается в их речи. А также сверка с внутриличностными представлениями – насколько эти имплицитные определения соответствуют осознаваемой я-концепции респондентов, как именно они будут интерпретировать их для себя.

В результате проведенных пост-интервью было обнаружено, что при предъявлении респондентам метафор, выражающих их имплицитное определение себя, большинство респондентов высказывают одновременно «удивление» и, вместе с тем, говорят об «отсутствии инсайта». Одна из участниц описала это так: «Встреча с этим, с одной стороны, удивительная, а с другой стороны, как будто сразу же – ну и что тут такого?»

Это подтверждает нашу гипотезу о том, что поскольку данные метафоры глубоко укоренены во внутриличностной картине мира, их содержание кажется респондентам «естественным», «само собой разумеющимся», при этом, так как данное видение находится на границе сознания и пока еще не эксплицировано – не выходит на уровень осознанного определения себя, ситуация ведет к тому, что респондент воспринимает это видение как нечто естественное для всех, нечто представляющее мир «таким, каков он есть на самом деле» и человека в этом мире «именно таким, какой он и есть».

Другой аспект, выявленный в процессе пост-интервью – это возможность достраивания, восполнения целостности метафоры респондентом через формулирование конгруэнтности. В своих поздних неопубликованных работах Эрнест Медоус – друг и коллега Карла Роджерса – формулирует следующее определение конгруэнтности: «Конгруэнтность – это умение манифестировать с помощью речи [Meadows, 2014] отношение к тезису и антитезису с опорой на то, что создало тебя». Таким образом, предлагая найти антитезис к метафоре, мы одновременно делаем ее тезисом по отношению к антитезису и вместе с этим создаем пространство для абдуктивной гипотезы – а что объединяет данный тезис и антитезис в целое? Ответ на этот вопрос из раза в раз оказывается инсайтом для респондентов и продвигает их в формулировании эксплицитного самоопределения.

Рассмотрим несколько ключевых моментов из пост-интервью по кейсу A1 для того, чтобы увидеть, как эти теоретические выводы произрастают из эмпирики.

Метафорические ряды, выявленные в данном кейсе: «движение» / «интенсивное физическое воздействие» / «зрение». Респондент легко соглашается с тем, что все это – значимые для него

темы. А1 признает себя человеком активным, любящим движение. В начале разговора об интенсивном физическом воздействии заявляет о нехватке этого в его жизни и своих мыслях о дополнительных физических занятиях. Работа с метафорическим рядом «зрение» начинается с рассказа о истории восстановления зрения и проблемах, связанных с этим.

Это свидетельствует об актуальности выявленного содержания для респондента, однако не достигает нашей цели – разговора об имплицитном метафорическом содержании названных метафор. После указания интервьюера на эту сторону вопроса, респондент, хотя и не без усилия, переходит от прямого значения названных слов к их метафорическому смыслу, и в дальнейшем каждая метафора разворачивается в размышление о решении актуальной для А1 задачи.

Так, рассуждая о движении, А1 приходит к тому, что его работа требует изменения образа движения с «импульсивного» на «поступательный»:

«Хорошо, движение. Что про движение? Человек я подвижный, даже какой-то стремительный. Целеустремленный. И движение, получается, движение тоже такое прямое (вытягивает руку перед собой). Прямое движение. А движение – это ход. И, ход, это получается, у хода есть вот эта поступательность. Вот, что я понимаю, это то, что мне трудно, то, что я не люблю, но это то, что надо делать, надо вот этот вот ход делать. А мне привычно – раз с налету, сразу все сделал. И это не то.

А надо – тын-тын-тын, как метроном. Вот этот тын-тын-тын-тын – его и надо делать. Вот это и есть движение. Что-то регулярное, постоянное. Не то что бы повторение, то есть, нет здесь повторяемости, а вот именно – сделал, и теперь сделал, и теперь сделал, и теперь сделал».

Интересно, что, когда интервьюер предлагает респонденту найти антитезис для понятия «движения», респондент без замедления называет «смерть». И объясняет: «ну, движение – жизнь. Антоним – смерть». Что подтверждает базовую, опорную позицию метафоры «движения» в я-концепции и образе мира данного респондента, «движение – это сама жизнь».

Отдельного внимания заслуживает работа со вторым метафорическим рядом. По итогу обработки кейса А1 он был категоризирован как «интенсивное физическое воздействие», и в него вошли следующие метафоры: бить, пихать, толкать, тянуть, нажимать, давить, ломать, напирать.

Предъявление данного ряда приводит респондента в некоторое замешательство, он дважды просит повторить его. И после некоторого размышления со вздохом признается:

«Надо сказать, тут все понятно. Это заставлять, это все значит – заставлять. И тянуть, и пихать, и давить, и толкать. Вот так вот я живу. А как иначе? Надо же делать что-то. Вот и приходится себя заставлять».

«Знаешь, это удивительно, это не то что бы открытие для меня, но это что-то незаметное. Как будто, ну а как иначе-то? То есть, у меня есть вещи в жизни, которые я люблю, ради которых я живу, но при этом я постоянно себя заставляю. Как бы все, что я делаю – я заставляю себя. Я – тот, кто заставляет. И даже если я буду пытаться не заставлять себя, то я буду заставлять себя не заставлять... понимаешь?»

A1 определяет себя, как того, кто заставляет, обозначая словом «заставлять» постоянное, фоновое действие, которое сопровождает очень многие другие его действия. Респондент оценивает его как неэффективное и в ходе интервью рассматривает возможности преодоления этого паттерна. Интервьюер снова предлагает посмотреть на антитезис, восстанавливающий целостность метафоры.

«Хм... заставлять, антитезис... – действовать! То есть, не когда тебя заставляют действовать, а сразу, до того. Ведь меня и заставлять приходится, мне же, только потому что я не делаю сразу. Это очень интересно. Пока не знаю, но надо попробовать. Это так очевидно, что кажется даже глупым».

Одним из важных методических выводов из данного интервью является нежелательность категоризации метафорических рядов со стороны исследователя, предпочтительнее предоставлять респонденту выявленный ряд с возможностью самому объединить все метафоры в одну категорию. Такой ход не только оберегает нас от интерпретационных неточностей, но и позволяет респонденту обозначить свои собственные акценты, давая дополнительную информацию для пост-интервью.

Метафору «зрение» A1 разворачивает в размышлениях о конкретных ситуациях взаимодействия с другими людьми, и так же, как и при раскрытии метафор ряда «заставлять», приходит к возможному решению актуальной проблемы.

Поскольку цель интервью – выявить отношение респондента к предложенным метафорам, оно проводится максимально открыто и задача интервьюера после обозначения самих метафор, скорее

следовать за респондентом, чем направлять его мысль в какую-либо сторону. Поэтому столь решительные действия А1, направленные на формирование плана по повышению удовлетворенности собственной жизнью, скорее соотносятся с личностью самого респондента, нежели непосредственно с моментом экспликации имплицитного определения себя. Тем не менее данное интервью подтверждает актуальность и релевантность выявленного метафорического содержания для экспликации имплицитного определения себя.

Мы планируем продолжить исследование в этом направлении и в дальнейшем зафиксировать, какие изменения происходят в отношениях с проработанной метафорой.

Выводы

Во-первых, данное исследование способствует укреплению и развитию выстраиваемой нами теории среднего уровня, соединяющей верхнеуровневую конструктивистскую методологию и индивидуальное проявление я-концепции. Мы начали с абдуктивной гипотезы о проявленности в метафорах, используемых в речи, образа мира, который, в свою очередь, базируется на определении себя, как эксплицитном, так и имплицитном – еще не вышедшем на уровень осознания, но уже находящемся на пороге восприятия. Поэтому для поиска и выявления данных имплицитных определений себя мы решили применить метафору.

Во-вторых, мы определили метафору как лингвокультурный способ познания человеком самого себя и инструмент для формулирования непознаваемого, что позволило нам воссоздать внутриличностный метафорический «ландшафт», выявить ключевые лексико-семантические «коллекции» смыслов, которые во многом определяют и образ мира, и саму я-концепцию респондентов.

В-третьих, был выявлен интерпретативный ресурс ключевых метафор (используемых респондентами в 40% текстов и более), позволяющий респондентам в ситуациях недостаточной артикуляции смысла восполнять эту недостаточность с помощью этих метафор.

В-четвертых, была подтверждена гипотеза о нерелексированности содержания этих метафор, что ведет к своеобразной когнитивной ошибке: респонденты не отделяют его от себя, не видят как собственный специфический взгляд на мир, а атрибутируют его к реальности – оставаясь в полной уверенности, что реальность именно такова. Экспликация этого содержания позволяет (хотя и не

гарантирует) респондентам присвоить его и взглянуть не как на «бытийное» состояние, а как на тот самый «витраж», сквозь который мы смотрим на окружающий мир.

В-пятых, был выявлен новый вектор для дальнейшего исследования – а именно, применение работы с тезисом и антитезисом для придания метафоре дополнительного объема, в случаях, когда она является ограничивающей, неудовлетворительной для респондента. Гипотетически, такая метафора – это недосозданная, недоосознанная метафора, где ее созидательная часть еще недопроявлена. Опыт данного исследования показывает, что экспликация такой имплицитной метафоры и работа с ней при помощи оппозиции *тезис – антитезис* возможна и перспективна.

Список литературы

- Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–94.
- Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – Москва : Педагогика, 1982. – Т. 1. – 488 с.
- Карпинский К.В. Идентификационная функция смысла жизни // Психологические исследования. – 2017. – Т. 10, № 55. – С. 2–14.
- Келли А.Дж. Теория личности: психология личных конструктов. / пер. с англ. и науч. ред. А.А. Алексеева / А.Дж. Келли. – Санкт-Петербург : Речь, 2000. – 249 с.
- Ким Е.В. Человек самоопределяющийся: отношения «я» и «тела» как практика экологии жизни // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2023. – № 4(56). – С. 144–159.
- Ким Е.В., Колтачников В.В. «Имплицитное определение себя» как гипотеза: теоретические предпосылки и эмпирическое обоснование // Мир психологии. Научно-методический журнал. – 2024. – № 3. – С. 31–43.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Липская Т.А. Возможности метафоры как психологического метода // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – № 3(5). – С. 691–695.
- Медоус Э. Человекоцентрированный подход в работе с организациями // Организационная психология. – 2014. – № 2. – С. 46–52.
- Петровский В.А., Старовойтенко Е.Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9, № 1. – С. 21–39.
- Роджерс К.Р. Теория терапии, личности и межличностных отношений, разработанная в рамках клиент-центрированной психотерапии // Ежегодник по консультативной психологии, коучингу и консалтингу. – Москва : ФПК Институт. – 2016. – С. 130–199.
- Савченко Т.Н. Взаимосвязь идентичности личности субъективного качества жизни и удовлетворенности ею // Прикладная юридическая психология. – 2019. – № 4(49). – С. 99–111.

- Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. – Москва : Добросвет, 1998. – 292 с.
- Скворцова Л.Л. Имплицитные концепции личностной зрелости как фактор саморазвития личности // Электронный сборник материалов XXV Международного симпозиума «Психологические проблемы смысла жизни и акме» / под ред. Г.А. Вайзер, Т.А. Поповой, Н.В. Кисельниковой. – Москва : Психологический институт РАО, 2021. – С. 64–67.
- Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.
- Старовойтенко Е.Б. Возможности Я в отношении к Другому: герменевтика и рефлексия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10, № 4. – С. 121–142.
- Улановский А.М. Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопросы психологии. – 2006. – Т. 3. – С. 27–37.
- Marraffa M., Meini C. The Developmental Psychology of Personal Identity: A Philosophical Perspective. – London : Bloomsbury Publishing, 2024. – 240 p.

References

- Baranov, A.N. (2003). O tipah sochetaemosti metaforicheskikh modelej [On the types of combinability of metaphorical models]. *Voprosy yazykoznanija*, 2, 73–94.
- Evgen'eva, A.P. (Ed.). Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. (1999) [Dictionary of the Russian language: In 4 vol.]. Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy.
- Karpinskij, K.V. (2017). Identifikatsionnaya funktsiya smysla zhizni [Identification function of the meaning of life]. *Psichologicheskie issledovaniya*, 10(55), 2–14. doi:10.54359/ps.v10i55.348
- Kelly, A.J. (2000). *Teoriya lichnosti: Psikhologiya lichnykh konstruktov*. [Personal theory: Psychology of personal constructs]. Saint Petersburg: Rech'.
- Kim, E.V. (2023). Chelovek samoopredelyayushchisya: otношения “ya” i “tela” kak praktika ekologii zhizni [Human self-identifying: the relation of “I” and “body” as the ecology of life practice]. *Chelovek: obraz i sushchnost'*. *Gumanitarnye aspekty*, 56(4), 144–159. doi:10.31249/chel/2023.04.08
- Kim, E.V., Kolpachnikov, V.V. (2024). “Implitsitnoe opredelenie sebya” kak gipoteza: teoreticheskie predposylki i empiricheskoe obosnovanie [“Implicit Determination of the Self” as a Hypothesis: Theoretical Background and Empirical Substantiation]. *Mir psikhologii. Nauchno-metodicheskij zhurnal*, 3, 31–43. doi:10.51944/20738528_2024_3_31
- Lakoff, G., Johnson, M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: Editorial URSS.
- Lipskaya, T.A. (2009). Vozmozhnosti metafori kak psichologicheskogo metoda [The possibilities of metaphor as a psychological method]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, 5(3), 691–695.
- Marraffa, M., Meini, C. (2024). *The Developmental Psychology of Personal Identity: A Philosophical Perspective*. London: Bloomsbury Publishing.
- Meadows, E.E. (2014). Chelovekotsentrirovannyj podkhod v rabote s organizatsiyami. [Person-centered Approach in Organizational Relationships]. *Organizational Psychology*, 4(2), 46–52.

- Petrovskij, V.A., Starovojtenko, E.B. (2012). Nauka lichnosti: Chetyre proekta obshchej personologii. [The Science of Personality: Four Projects of General Personology]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki*, 9(1), 21–39.
- Rogers, C.R. (2016). Teoriya terapii, lichnosti i mezhluchnostnykh otnosheniy, razrabotannaya v ramkakh klient-tsentrirovannoy psikhoterapii [A theory of therapy, personality, and interpersonal relationships, as developed in the client-centered framework]. *Ezhegodnik po konsultativnoi psikhologii, kouchingu i konsaltingu*, 3, 130–199.
- Savchenko, T.N. (2019). Vzaimosvyaz' identichnosti lichnosti sub'ektivnogo kachestva zhizni i udovletvorennosti eyu [Relationship between subjective quality of life and satisfaction with it]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, 49(4), 99–111. doi:10.33463/2072-8336.2019.4(49).099-111
- Semenova, V.V. (1998). *Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu* [Qualitative Methods: An Introduction to Humanistic Sociology]. Moscow: Dobrosvet, 292 p.
- Skvortsova, L.L. (2021) Implitsitnye kontseptsii lichnostnoj zrelosti kak faktor samorazvitiya lichnosti [Implicit concepts of personal maturity as a factor of personality self-development]. In G.A. Vajzer, T.A. Popova & N.V. Kisel'nikova (Eds.), *Elektronnyy sbornik materialov XXV Mezhdunarodnogo simpoziuma "Psikhologicheskie problemy smysla zhizni i acme"* (pp. 64–67). Moscow: Psikhologicheskij institut RAO.
- Starovojtenko, E.B. (2013) Vozmozhnosti Ya v otnoshenii k Drugomu: germenevtika i refleksiya [The Possibilities of the Self in Relation to the Other: Hermeneutics and Reflexivity]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki*, 10(4), 121–142.
- Ulanovskij, A.M. (2006) Kachestvennaya metodologiya i konstruktivistskaya orientaciya v psikhologii [Qualitative methodology and constructivist orientation in psychology]. *Voprosy psikhologii*, 3, 27–37.
- Vygotskij, L.S. (1982). *Sobranie soch.: v 6 t. vol. 1.* [Collected Works in 6 vol.]. Moscow: Pedagogika.

Об авторе

Ким Елена Владимировна – магистр психологии, аспирант, научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва, ev.kim@hse.ru

About the author

Kim Elena Vladimirovna – MA in psychology, postgraduate student, HSE University, Russia, Moscow, ev.kim@hse.ru